

Культурно-исторические аспекты отечественного человекомерия

Б. Н. Казаченко

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Работа посвящена истории науки вообще и истории российской антропологии, в частности. Целью статьи явилось рассмотрение старорусской системы «человечьих» мер в культурно-историческом аспекте. Для фиксации этого феномена был введен новый термин — «человекомерие» (anthropotines или anthropomeasure). На конкретных примерах показаны традиционные способы человекомерия: пядями (иконы), вершками (осьмивершковое ведро), перстами (двенадцатиперстная кишка), локтями (ткань) и т. д. Установлено также, что измерение протяженности окружающего человека физического мира происходило при помощи «ножных промеров» (паршг), выраженных в единицах досягания, — т. е. в сажнях или аршинах (аршин = шаг = 0,71 м; паршг = сажени): поприще (750 саженей), верста (от 500 до 1000 саженей). Взаимодействуя таким образом с окружающей средой обитания, Человек физически превращался в «меру всех вещей». Социальные потрясения во Франции и в России предопределили появление в нашей стране метра. Метр стал меркой самого человека и науки, его изучающей.

Ключевые слова: человек, человекомерие, меры Древней Руси, антропометрия.

Вместо эпитафии:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.»

Ф. И. Тютчев, 1866

Постановка проблемы

Предлагаемая Вашему вниманию работа находится на стыке естественных и гуманитарных представлений о ментальности жителей Древней Руси и, по сути, обращена к истокам отечественной антропологии — культурной, исторической или физической.

Одним из важнейших методов современной физической антропологии является антропометрия (дословно: способ измерения живого человека и его останков). Однако измерение окружающего пространства обмерами «человечьего» тела (как говорили наши предки в начале XVII в.), получило в гуще трудящихся масс другое, поистине народное именованье, а именно — *человекомерие* (дословно: народное измерение окружающего мира размерами собственного тела), или народной метрологии [9].

Следовательно, измерение естественными размерами человеческого тела любых предметов материальной культуры теоретически может свидетельствовать о различных способах протекания культурно-исторических процессов (разумеется, если кустарное изготовление этого предмета представляет культурно-историческую ценность).

Цель статьи состоит в культурно-историческом рассмотрении старорусской системы «человечьих» мер, ставшей своеобразным прообразом современной антропометрии в общем и эргономики, в частности. Соответственно, задача данной работы сводится к поиску культурно-исторических аспектов в российском человекомерии или точек соприкосновения между сопредельными областями знаний, а именно между естественным и гуманитарным направлениями в отечественной антропологии.

Краткая культурно-историческая справка. Человекомерие, или русская народная метрология, является ровесницей землемерия, государственности, строительства и меновой торговли [11]. Многие названия, заимствованные из этой естественной системы мер, зачастую восходят к наименованиям частей тела человека [10]. Именно части человеческого тела являлись той естественной меркой, с помощью которой в Древней Руси происходило измерение практически всех вещей и даже окружающего человека пространства. Однако многие вещи, изготовленные в древности кустарным способом, несомненно, сейчас представляют научную, культурно-историческую и даже антикварную ценность.

Как правило, незначительные по своему размеру вещи на Руси вымеряли различными частями человеческого тела, например, пядями (иконы, картины), вершками (осьмивершковое ведро), перстами (двенадцатиперстная кишка) и т. д. Однако со временем связь с человеческим телом постепенно забывалась. Вновь образованные замеры, наиболее рельефно проявившиеся в путевых мерах (*урочище, распряжай, перегон, гона* и пр.), зачастую уже носили производно-прикладной характер [11].

В этих условиях не могло быть ничего более естественного, чем измерение среды обитания размерами человеческого тела (т. е. своим собственным, человеческим масштабом) с последующим переносом этих мерок на протяженность среды искусственной (социальной, культурной и пр.). Взаимодействуя таким образом с окружающей его средой обитания (рис. 1), человек физически становился «мерой всех вещей» [9].

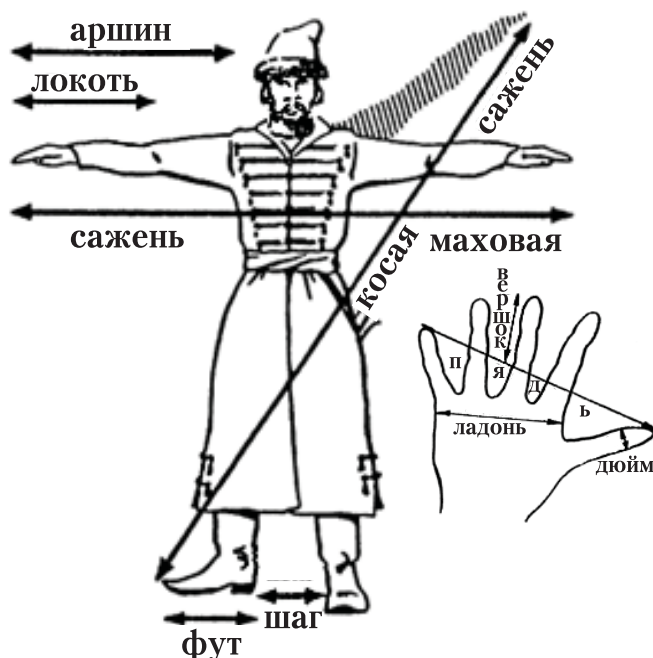

Рис. 1. Старорусские «человечьи» меры длины

Следовательно, среда обитания восточных славян (еще не подразделенная на природную и социальную, естественную и искусственную) воспринималась ими как продолжение человеческого тела, словно тень, отбрасываемая человеком в ясный день. Человек в государстве российском был мерилем вещей и протяженности всего окружающего его пространства.

Предмет и метод исследования

Предметом данного исследования являлось изучение русских народных мер, восходящих к тем или иным размерам человеческого тела [11].

Основной материал был заимствован из археологических [21], антропологических [13; 24], метрологических [11; 10], этнографических [16; 17], истори-

ческих [21; 22; 25] и пр. [4; 12; 14] литературных источников.

Для выявления общих закономерностей культурно-исторического плана в древнерусском способе измерения материальных вещей и пространства анализу подвергались модельные объекты, представленные христианскими святынями (церквями), национальной (в основном питейной) посудой, питейными мерами традиционно русских напитков, русским антропометрическим ядренословием и всеми типами родственных отношений, получивших у нас названия русского близочества.

Методология данного исследования, по сути, сводится к постижению славянской ментальности и культурно-исторической реконструкции древнерусских знаний в области пальцевого счета и «человечьих» измерений. Далекая и не всегда понятная для нас логика восточных славян подчас с трудом доступна современному сознанию.

И тем не менее на рис. 2 представлена реконструкция отечественной логики на примере образования русских народных мер, построенных на базе модуля, соответствующего размеру пяди человека.

Наши предки были хорошо осведомлены о пропорциях человеческого тела, связанных между собой отношениями золотого сечения. Эти знания позволяли племенам восточных славян еще в XI в. широко использовать «живую», или складную сажень «доброго мужа».

«Складное человецье мерило» на святой и православной Руси являлось своеобразной живой мерной лентой или линейкой. Оно всегда находилось «при себе» и всегда, кстати, оказывалось как бы «под рукой» в любых ситуациях. Постигание же древнерусского антропоморфного менталитета лучше начинать с рассмотрения примера универсального мерила жителей Древней Руси (рис. 2, таблица).

Если, к примеру, взять веревку («вервь мерную»), равную сажени (размаху рук человека), и сложить ее пополам, мы получим **аршин**, или длину **шага** российского землепроходца. Последовательное же повторение этой процедуры (складывание мерной веревки пополам) дает размеры соответствующих частей тела «доброго мужа» (локоть, пядь, длань, вершок или верх перста, ноготь и т. д. вплоть до точки, пункта или укола), совокупность которых уже будет именоваться «складным человецким мерилом» [20].

Так или примерно так выглядел исконно русский способ образования дольных единиц протяженности.

Согласно представлениям наших предков каждая последующая мерка будет в два раза меньше (или больше) исходной меры: локоть будет в два раза меньше шага, а шаг в два раза меньше «сажени доброго мужа». Впоследствии эта закономерность получила название квартальной системы счисления. Правда, она, в свою очередь, восходила к логике жителей Новгородской республики (а возможно, и восточно-славянского пальцевого счета) [5].

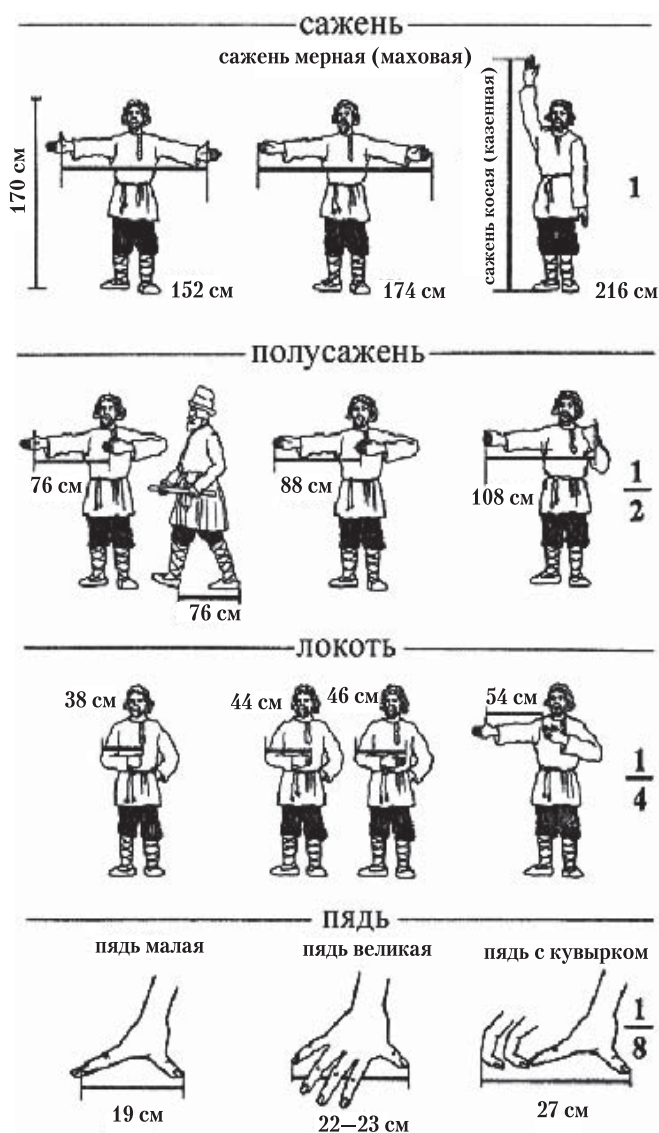

Рис. 2. Русские народные меры протяженности, по Рыбакову [21], или основы русского народного человекомерия

Древнерусский способ счета на пальцах рук своими корнями уходит в палеолит, где, как полагают ученые, наметились территориальные различия в особенностях счета по пальцам рук у древних людей [там же].

По крайней мере логика пальцевого счета российских звероловов в начале XVI в. выглядела именно так или примерно так. Если большой палец правой руки наделяли функциями счетчика или счетовода, то счет оставшихся четырех пальцев происходил по количеству их суставов, т. е. в счете были задействованы верх и корень перста. Левая рука при этом исполняла роль запоминающего устройства. Досчитав до восьми, на левой руке загибали один палец. Сжатые в кулак пальцы левой руки символизировали число сорок [5]. Отсюда сороковины или сорочины, т. е. упокойная память в 40-й день, сорок ведер в мерной бочке, сорок чар в ведре, сорок сороков церквей в Москве и т. д.

Следовательно, основу русского складного мерила составляли «человечьи» меры и интеллектуаль-

ная мощь традиционно русского способа крестьянского счета, основанного на использовании своих пальцев рук.

Результаты исследования

Всестороннее осмысление русских народных мер неожиданно привело нас к череде любопытных, с культурно-исторической точки зрения, фактов. Кстати, все они были обнаружены при изучении отечественной истории человекомерия.

Итак, анализ биосоциального явления, состоящего из культурного наследия предков и генетической памяти народа, показал, что в естественных и сопредельных областях знаний мало кого из наших соотечественников всерьез интересовали очевидные для русского человека прошлых веков вещи, например, русские народные («человечьи») меры. Конечно, если не считать работ академика Б. А. Рыбакова [19; 20; 21], десяток метрологических диссертаций и монографий [10; 11] да без малого две дюжины лингвистических статей. Хотя каждый из нас в течение своей жизни, конечно, неоднократно пользовался этими мерами. Например, при измерении расстояний при посадке деревьев мы, не задумываясь, обращаемся к шагомерным оценкам, а при выборе нужного диаметра сантехнических труб без запинки называем размер в дюймах (даже не догадываясь, что дословно — это русский «верх перста»). Помню студенческие годы, когда толщину книг мы неосознанно соотносили с шириной своих пальцев, или детский сад, когда нас ставили в круг и мы дружно пели: «как на Машин день рожденья испекли нам каравай вот такой вышины, вот такой ширины»...

Таким образом, всё это не что иное, как неосознанное проявление так называемого социального наследования различных элементов народной метрологии, дошедшей до нас через сотни поколений.

Древнерусская методика антропометрического обследования восходит к раннему средневековью. С одной стороны, она отражает последовательность технологического процесса, связанного с сооружением русской глинобитной печи [1], хотя, с другой стороны, вятские печники первым делом проводили антропометрическое «измерение» хозяйки новой избы.

Так, например, высота печи соответствовала росту хозяйки с прибавлением к нему длани; ширина печи — длине ее руки. За размер печного чела отвечала ширина плеч молодки, а глубина шестка зависела от длины локтя, при всём при этом высота печного свода соотносилась с длиной живота (или расстоянием от табурета у сидящей на нем молодайки до середины ее груди).

Всё это очень напоминает современное антропометрическое руководство по проведению измерений человека в полевых условиях. Более того, здесь фактически представлен прообраз индивидуального бланка антропометрических измерений [2].

Единый масштаб в образовании русских народных мер (протяженности, тягости и вместимости), как

было установлено ранее, также восходит к различным частям человеческого тела. При этом многие древнерусские меры протяженности зачастую имеют с ним одни и те же названия (см.: рис. 1).

Это утверждение, по-видимому, может быть отнесено и к мерам русской тягости, которые предположительно ведут свое происхождение от веса человека. По крайней мере это следует из нашей торговой практики, где до сих пор существуют два основных типа сельскохозяйственных мешков: 50-килограммовые — для сахара, картофеля и 70-килограммовые — для муки, круп (рис. 3) и прочих сухих сыпучих продуктов.

К тому же не лишне напомнить, что современная половинка буханки хлеба прежде приравнивалась по своему весу к одному фунту и соответствовала дневной норме пропитания ядреного российского мужика, занятого тяжелым физическим трудом. Та же самая хлебная норма (правда, вместе со штофом 11-градусной водки) по специальному распоряжению Петра Великого ежедневно выдавалась рабочим и солдатам, например, при строительстве северной столицы.

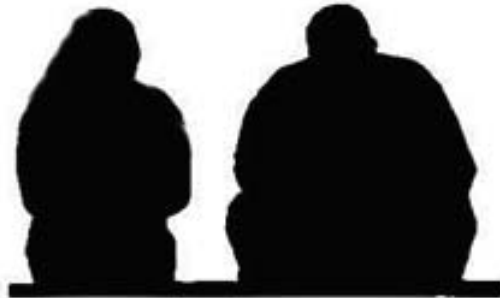

Рис. 3. Изображение древнерусских антропоморфных мер тягости (веса)

Вместе с тем каждому крестьянину на Руси была известна связь между урожайными или посевными мерами (например, зерна) и размером земли, измеряемым в квадратных сажнях.

О ментальности далеких времен нам сегодня напоминает лишь фильм «Табачный капитан» (1972), снятый на историческую тему из эпохи Петра I в жанре музыкальной комедии по мотивам одноименной пьесы Н. Адуева. Этот фильм о способном к морскому делу крепостном холопе, которого государь выменял у знатного боярина на табак: сколько тот весил, столько табаку за него и заплатил.

Следующей древнерусской народной мерой объема жидких тел, восходящих к вместимости чрева, утробы или брюшной полости человека, является ведро. Кстати, размер мерных («осьмивершковых») церковных) ведер в Киевской Руси вымерялся перстами. При этом высота «заорленого» ведра* соответствовала длине локтя, а его вместимость измерялась десятком стоп, сотней чарок или одной тысячей (1000) наперстков.

Следовательно, все приведенные здесь естественные размеры человеческого тела служили живыми мерами при проведении любых народных измерений.

* Ведро, отмеченное царским клеймом в виде двуглавого орла.

Питейные меры России, как и древнерусские пития (или жидкие тела), независимо от характера и свойств их потребления являются производными мерного ведра (или человеческой «утробы») [7; 8].

Поскольку «казенное вино» в государевых кабаках изначально продавали на вес и на вынос ведрами, то исконно русский способ быстрого отыскания кабацкой питейной меры выглядел так или примерно так:

вес ведра мерного равен 35 фунтам чистой воды = 2 полведра (баклага),

1/2 ведра = 2 пол-полведра (ендова),

1/4 ведра = 2 пол-пол-полведра (четверть),

1/8 ведра = 2 пол-пол-пол-полведра (братина),

1/10 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-полведра (стопа),

1/16 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-полведра (бутылка винная),

1/20 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (бутылка пивная),

1/32 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (чара),

1/50 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (стакан),

1/100 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (стопка),

1/200 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (стопарь),

1/400 ведра = 2 пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-полведра (фуфырь и т. д. до наперсточной рюмки).

По сути, здесь представлен древнерусский естественный питейный ряд, реконструированный, однако, для всех традиционно русских питий (от березовицы и травяных взваров до питного меда и водки). Благодаря такому, «человечьему», взгляду на так называемое «государево кабацкое дело», представляется возможным не только количественно оценить естественные потребности человека в жидкости, но и «реставрировать» его физиологические «хотелки», лежащие в основе образования всех питейных мер России (см., например, таблицу).

Русская питейная посуда зачастую имела антропоморфные формы. На свое «человечье» происхождение указывает практически вся питейная «посудь» России [8]. К примеру, название стопы, стопаря и стопки говорит само за себя. А вот наименьшая питейная мера царевых кабаков — рюмка — восходит к древнерусскому слову «рюма», что прежде означало «плакса»; чарка происходит от слова «чары», переводимым как колдовство; а древнерусским словом «кукша», переводимым как «кулак без пальца», на Руси именовали кувшин [4; 23] и т. д.

Другим характерным примером ярко выраженной антропоморфности в русской посуде может служить ее форма. Например, многие керамические изделия русских гончаров имели родополовую принадлежность. Типичными представителями этого явления были горшок и горшница [1]. Считалось, что в горшке женского «роду-племени», т. е. в горшнице каша получалась вкуснее. К тому же в русской

народной посуде всегда без труда можно найти ручку, ножку, тулово, головку, горлышко, носик, ножку и т. д.

Древнерусское прикладное человекомерие более всего прославилось в архитектуре [19]. Представленные на рис. 4 архитектурные формы отечественных святынь дают наглядное представление о древнерусских взглядах на окружающее человека пространство и заложенное в них человеческое начало.

Так, например, благодаря активному использованию древнерусскими зодчими византийских канонов (учитывающих размеры и главное — пропорции человеческого тела) при возведении православных церквей даже невооруженным глазом видна определенная соразмерность постройки с пропорциями человеческого тела. Многочисленные своды олицетворяют женское начало, легко ассоциируясь с утробой Матери-Богини. Вот отчего в церкви верующий человек испытывал легкость и комфортность, спокойствие и умиротворенность. Видимо, во время богослужения у него «срабатывала» на подсознательном уровне так называемая «генетическая» память предков.

Рис. 4. Ассоциации архитектурных форм церкви Вознесения в селе Коломенском (на территории современной Москвы) и русских дружинников (X—XI вв.)

Если же смотреть на архитектурные формы наших церквей снаружи, можно заметить, что они похожи на русских воинов, как бы выходящих на пригорок из перелеска в полном боевом вооружении, состоящем из шелома-наголовника, бармицы, кольчуги, щита. Ассоциации эти столь тонки, что почти не фиксируются сознанием, и в этом притягательная сила их эмоционального воздействия на человека [9].

Следовательно, строительство культовых сооружений в России было подчинено математическим правилам построения человеческой фигуры, неизменным законам грации, изящества и гармонии.

Вместе с тем *универсальная антропометрическая система мер* способна поколебать все привычные представления об истории отечественной антропологии. Однако такое возможно лишь при комплексном взгляде на проблемы физической антропологии,

или естественной истории человека, как говорили учителя наших учителей в государстве Российском на рубеже XIX и XX в.

И все-таки это, пожалуй, — *самое гениальное изобретение* наших предков в истекшем тысячелетии (таблица). Оно состоит:

- из двух территориальных подсистем длины (или, как говорили в старину, «протяженности») северорусской и южнорусской с общим модулем, равным размеру пяди, или $1/8$ сажни, т. е. в 23 и 19 см, соответственно), тяготеющих к европейским и азиатским мерам [24];

- системы русского веса, или «тягости», — восходящего к европейским мерам (берковец), но тяготеющего к южным (капустный батман) и восточным (аршин) мерам;

- посудо-мерно-питательной системы, ведущей свое происхождение от размеров «утробы» (ведра) и физиологических возможностей человека при коллективном (братина) или индивидуальном (стопа) потреблении жидкой пищи (например, на княжеских, боярских или свадебных пирах, во время братотворения или народного побратимства), а также от самотытного антропоморфного видения реальности, воспроизводимой в посуде;

- системы русского антропометрического ядренословия, основанной на антропоморфном мышлении предков и наиболее вероятном механизме народного способа познания неведомого [18; 23].

Поскольку в центре этой комплексной системы находились человек и древнерусское представление о *человекомерии* [9], то он (человек с присущими ему размерами собственного тела) являлся не только мерилем всех вещей, но и «мерной лентой», так сказать, окружающего его мира (см. таблицу).

С одной стороны, протяженность физического мира прежде измерялась поприщами или верстами, которые в разное время содержали в себе от 500 до 1050 трехлокотных сажней. С другой стороны, типичным представителем мира духовного может служить родство (кровное, свадебное, супружеское и т. д.) и родственные отношения между близкими людьми, которые до сих пор у нас принято измерять коленами, степенями или ступенями. Само же слово «ступень» происходит от древнерусского названия войлочной обуви — «стпень», которое, в свою очередь, восходит к ступне или к стопе человека [4; 23].

Следовательно, измерения протяженности физического Мира у жителей Древней Руси выражались в терминах «человечьих» мер, а именно: посредством шагомерных оценок или ножных промеров.

Обсуждение

К сожалению, все приведенные выше особенности российского человекомерия так и не нашли своего логического продолжения в отечественной антропометрии. Возможно, что основная причина в излишнем внимании, уделяемом идеологией и политической правящих классов к частным проблемам биоло-

Древнерусское универсальное мерило

Русские народные меры:		
Протяженности	Вместимости	Близочества*
1 сажень = 2 шагам	1 ведро = 12,23 л	1-я степень родства = 1/2
1 шаг = 2 локтям	1 баклага = 6,12 л	2-я степень родства = 1/4
1 локоть = 2 пядям	1 ендова = 3,06 л	3-я степень родства = 1/8
1 пядь = 2 дланям	1 братина = 1,53 л	4-я степень родства = 1/16
1 долонь = 2 перстам	1 стопа = 0,76 л	5-я степень родства = 1/32
1 перст = 2 вершкам	1 чара = 0,38 л	6-я степень родства = 1/64
1 вершок = 2 дюймам	1 доскан = 0,19 л	7-я степень родства = 1/128
1 дюйм** = 2 ногтям	1 стопка = 0,096 л	8-я степень родства = 1/256
1 ноготь = 2 «???»	1 стопарь = 0,048 л	9-я степень родства = 1/512
	1 фуфырик = 0,024 л	
	1 наперсток = 0,012 л	

Примечание. * — мерой русского близочества может служить, например, коэффициент инбридинга (или родства), указывающий на долю общих генов между предком и потомком или степень свойств, т. е. мера не биологического, а супружеского или семейного родства. Сюда же относят и «сватств» (или сватовств) — т. е. брачное или свадебное родство. Все эти разновидности русского родства (за исключением кровного или родового) в дореволюционной России входили в группу духовного родства. Поэтому отец с сыном состоит в первой степени родства, два брата — во второй, дядя со своим племянником — в третьей, двоюродные братья — в четвертой и т. д. Строго говоря, мерой русского близочества, по-видимому, является расстояние между местами проживания родственников, находящихся между собой в определенных степенях родства. Это расстояние как раз и вымерялось нашими далекими предками ножными промерами (шагомерием, ступнями, степенями);

** — дюйм (ширина оттиска большого пальца, равная длине его ногтевой фаланги), был введен волевым решением Петра Великого. Прежде эта величина именовалась «*верхом перста*» указательного (реже среднего) пальца.

гии человека и «невинным» биометрическим методикам в момент становления антропологии как науки (на рубеже XIX—XX вв.).

Анатомические точки на теле человека (рис. 5), на которые ориентирована вся современная физическая антропология при использовании своего основного метода — антропометрии [3; 15], практически

Рис. 5. Антропометрические точки на теле человека, между которыми производятся современные измерения в России [2; 15]

никак не связаны с отечественным человекомерием (см. рис. 1, 2).

Эргономика, один из разделов которой назывался в советское время «прикладной антропологией», по-видимому, является прямой «наследницей» многих практических наработок российского человекомерия. Они без особого труда нашли свое применение в капризной современной женской моде, дизайне элитарных легковых машин и мебели, бытовой технике и прочем, поскольку почти безоговорочно приняли основной постулат российского человекомерия: человек — мера всех вещей.

Между антропометрией и человекомерием, по-видимому, существуют принципиальные методологические различия. Более всего они заметны в вещах, призванных долго служить человеку. Например, благодаря взгляду на окружающее пространство с позиций человекомерности легко заметить, что она всегда соотносится с пропорциями его тела, благодаря чему человек с величайшей легкостью и повышенной комфортностью «вписывается» во все новые и новые сферы (будь то жилище, лифт, автомобиль или новое рабочее место).

В случае же с холодной и бесстрастной, вышколенной в академическом духе антропометрией измерение анатомических точек на теле человека (и даже условий его проживания) происходит с помощью метра — одной сорокамиллионной части земной окружности, проходящей через Париж.

Одним словом, метрическая и сажённая системы счисления — это два параллельных, почти не связанных друг с другом, этнически обусловленных способа академического и народного мышления, сосуществующих в нашем многополярном мире.

Заключение

Итак, восточнославянские племена долгое время существовали в естественных условиях среды. Жители Древней Руси собственным телом (т. е. естественным своим, через «ощущала» и «хотелки» свои) физически соизмеряли вместимость и протяженность окружающего их мира.

Так на территории нашего отечества зародилась и к XIV в. оформилась естественная система русского народного *человекомерия*. Будучи подчиненной квартальной (или восьмеричной) системе счисления, она способствовала прогрессу, соизмеряя окружающий человека мир с естественными размерами его тела (человеческий масштаб). Так постепенно в российском государстве человек превратился в естественное мерило всех вещей, другими словами, в самобытный ходячий набор универсального измерительного инструментария, в ходячую «инструменталку».

Более того, в Российской империи к телу человека и его естественным размерам всегда относились бережно, благодаря чему народная антропометрия (или человекообразный взгляд) была возведена в ранг российских законов и законодательных актов. В результате тело человека и его размеры долгое вре-

мя являлись естественным и универсальным мерилом протяженности (длины), вместимости (объема) и тягости (веса) окружающего его мира.

Следовательно, прародительницей отечественной антропологии является не немецкая и даже не французская антропологические школы, как в этом продолжают меня убеждать коллеги и учебники по антропологии, а старорусская система «человечьих» мер, которая, к сожалению, никогда и никем до сих пор не изучалась.

Однако с проникновением в Россию в конце XIX в. искусственного и единообразного мерила именно **метр** превратился в меру не только всех вещей, но и самого человека. Во многом этому способствовало волевое решение партии и правительства, которое своим Декретом от 14 сентября 1918 г., по сути, навсегда лишило нас скрытого могущества старорусской антропометрической системы, кстати, включающей в себя все связи золотого сечения. С этого момента мы, кажется, навсегда утратили естественный и основополагающий ориентир — отечественный *человеческий масштаб*, который не одно тысячелетие способствовал гармоничному соизмерению продуктов питания, материальной культуры и мира вещей, признанных долгое время служить нашему человеку.

Литература

1. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. *Бунак В. В.* Методика антропометрических исследований. М., 1931.
3. *Бунак В. В.* Антропометрия. М., 1941.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. С-Пб.; М., 1912—1914.
5. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия: В 3 т. Т. I / Под ред. А. П. Юшкевича. М., 1970.
6. *Казаченко Б. Н.* Питейные меры традиционных русских напитков // Законодательная и прикладная метрология. 2006. № 2.
7. *Казаченко Б. Н.* Старорусские питейные меры // Законодательная и прикладная метрология. 2006. № 1.
8. *Казаченко Б. Н.* Традиционно русский способ определения вместимости питейных сосудов // Законодательная и прикладная метрология. 2008. № 4.
9. *Казаченко Б. Н.* Человекомерие в государстве российском. Сообщение 1. Народная метрология и/или антропометрия? // Законодательная и прикладная метрология. 2008. № 6.
10. *Каменцева Е. И.* Меры длины первой половины XVIII в. // История СССР. 1962. № 4.
11. *Кузнецов С. К.* Древнерусская метрология. Малмыж-на-Вятке, 1913.
12. *Ле Корбюзье Ш.* Модульор: Опыт соразмерной масштабу человека всеобщей гармоничной системы мер,

применяемой как в архитектуре, так и в механике. М., 1976.

13. *Левин М. Г.* Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.
14. Литература Древней Руси: Библиографический словарь // Составитель Л. В. Соколова. М., 1996.
15. Методика морфофизиологических исследований в антропологии. М., 1981.
16. *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1—2 / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940—1941.
17. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 2003.
18. *Плуцер-Сарно А.* Большой словарь мата. Том первый. Спб., 2001.
19. *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // Советская археология. 1957. № 1.
20. *Рыбаков Б. А.* Мерило новгородского зодчего XIII в. Из истории культуры древней Руси. М., 1984.
21. *Рыбаков Б. А.* Русские системы мер длины XI—XV вв. Советская этнография. 1949. № 1.
22. Учение и хитрости ратного строения пехотных людей, 1647 (цит. по: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1987).
23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987.
24. *Хомяков С. М.* Как измерять людей: Справочник по антропологии. Казань, 1911.
25. *Черняев А. Ф.* Золото Древней Руси. Русская матрица — основа золотых пропорций. М., 1998.

Cultural and Historical Aspects of Russian Traditional Anthropomeasure

B. N. Kazachenko

Ph.D. in Biology, Senior Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University

This article is devoted to the history of science in general and to the history of Russia's anthropology, in particular. The aim of this work was to review an Old Russian system of «human» measures from the cultural-historical perspective. In order to capture this phenomenon a new term was introduced — anthropomeasure. The traditional ways of anthropomeasuring definition of the «living» space of the eastern Slavs are shown in the specific examples. Small distances in Russia have always been measured by parts of the human body: «pyad» (span; old Russian measure equals to the distance between stretched thumb and index fingers) (icons); «vershok» (from a Russian word meaning «upper part», a small surplus that originated on the top when pouring the crop, equals to the size of the upper phalanx of the index finger) (eight-vershok bucket); «perst» (finger) (duodenum — in Russian literally «12 fingers intestine»); «lokot» (elbow) (cloth), etc. The measurement of the length of the surrounding physical world was done using the «foot measurements» (parshg), expressed in units of reach — in «sagenes» (amplitude of the hands from the fingers on one hand to the fingers on the other hand) or «arshines» (from Turk; equals to the length of the whole arm from the shoulder, or a free foot-step): field (750 sagenes), verst (from 500 up to 1000 sagenes). A man interacting with the surrounding habitat thus was a «measure of all things». The social disruptions in France and Russia predetermined the appearance of the meter in our country. Meter quickly became the standard of the individual and science that studies him.

Keywords: man, anthropomeasure, measures of Ancient Rus, anthropometry.

References

1. Baiburin A. K. Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan. L., 1983.
2. Bunak V. V. Metodika antropometricheskikh issledovaniy. M., 1931.
3. Bunak V. V. Antropometriya. M., 1941.
4. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. S-Pb.; M., 1912–1914.
5. Istoriya matematiki s drevneishih vremen do nachala XXI stoletiya: V 3 t. T. I / Pod red. A. P. Yushkevicha. M., 1970.
6. Kazachenko B. N. Piteinye mery tradicionnykh russkikh napitkov // Zakonodatel'naya i prikladnaya metrologiya. 2006. № 2.
7. Kazachenko B. N. Starorusskie piteinye mery // Zakonodatel'naya i prikladnaya metrologiya. 2006. № 1.
8. Kazachenko B. N. Tradicionno russkii sposob opredeleniya vmestimosti piteinykh posudin // Zakonodatel'naya i prikladnaya metrologiya. 2008. № 4.
9. Kazachenko B. N. Chelovekomerie v gosudarstve rossiiskom. Soobshenie 1. Narodnaya metrologiya i/ili antropometriya? // Zakonodatel'naya i prikladnaya metrologiya. 2008. № 6.
10. Kamenceva E. I. Mery dliny pervoi poloviny XVIII v. // Istoriya SSSR. 1962. № 4.
11. Kuznetsov S. K. Drevnerusskaya metrologiya. Malmyzhna-Vyatke, 1913.
12. Le Korbyuz'e Sh. Modulor: Opyt sorazmernoi masshtabu cheloveka vseobshei garmonichnoi sistemy mer, primenyaemoy kak v arhitekture, tak i v mehanike. M., 1976.
13. Levin M. G. Ocherki po istorii antropologii v Rossii. M., 1960.
14. Literatura Drevnei Rusi: Biobibliograficheskii slovar' / Sostavitel' L. V. Sokolova. M., 1996.
15. Metodika morfologicheskikh issledovaniy v antropologii. M., 1981.
16. Mikluho-Maklai N. N. Puteshestviya. T. 1–2 / Podgotovili k pečati I. N. Vinnikov i A. B. Piotrovskii. M.; L., 1940–1941.
17. Olearii A. Opisaniye puteshestviya v Moskoviyu. M., 2003.
18. Plucer-Sarno A. Bol'shoi slovar' mata. Tom pervyi. Spb., 2001.
19. Rybakov B. A. Arhitekturnaya matematika drevnerusskikh zodchih // Sovetskaya etnografiya. 1957. № 1.
20. Rybakov B. A. Merilo novgorodskogo zodchego XIII v. Iz istorii kul'tury drevnei Rusi. M., 1984.
21. Rybakov B. A. Russkie sistemy mer dliny XI–XV vv. Sovetskaya etnografiya. 1949. № 1.
22. Uchenie i hitrosti ratnogo stroeniya pehotnykh lyudei, 1647 (cit. po: Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 3. M., 1987).
23. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M., 1986.
24. Homjakov S. M. Kak izmeryat' lyudei: Spravochnik po antropologii. Kazan', 1911.
25. Chernyaev A. F. Zoloto Drevnei Rusi. Russkaya matrica — osnova zolotykh proporcii. M., 1998.